

АНТИСЕМИТИЗМ И ВАМПИРИЧЕСКАЯ ТОПИКА

Современную версию поэтики вампиризма продуктивно отсчитывать от фильма Форда Ф. Копполы «Дракула Брэма Стокера» (1993 г.). Традиция вампирического кино получила новый импульс. В третьем тысячелетии авангардный «Дракула» канадского режиссера Гая Медина (2002 г.) продолжил интеллектуальную линию – роман Стокера представлен как эстетский балет, персонажи загримированы «под» героев Копполы и действуют в черно-белом немом фильме «под» экспрессионистский шедевр Ф. В. Мурнау «Носферату, симфония ужаса» (1922), манифестируя вечное противостояние викторианской непорочности и вампирической сексуальности. В фильмах «Вампиры» (1998 г.) Джона Карпентера и «Ван Хелсинг» (2004 г.) С. Соммерса борьба с вампирами экстравагантно преображена в боевик, а истребители вампиров – в элитный спецназ на службе Ватикана. В этом же ряду следует рассматривать фильм «Дракула 2000», где «2000» – аллюзия на популярную эсхатологию миллениума. Режиссер Патрик Луссьер (Lussier, в русских СМИ фамилия передается разным способом) снял фильм по оригинальному сценарию (написан в соавторстве с П. Суассоном). Фильм не ориентирован на семейный просмотр и адресован интеллектуалам (о чем свидетельствует марка фирмы «Miramax»).

Сюжет привычно построен на очередном воскресении Дракулы, но содержит неожиданный постмодернистский поворот: великий вампир предстает реинкарнацией великого предателя – Иуды. Этот поворот позволяет «обогащать» традиционный образ, мотивировав ненависть вампира к Христу, христианской конфессии и т.д.

Восприятие фильма Луссьера в России ознаменовалось специфическим побочным эффектом, который обусловлен несложной логической операцией: Дракула – Иуда Искариот, Иуда – еврей, значит, Дракула – еврей. Один из участников интернет-диалога делится такими соображениями: «Недавно мне наконец-то удалось посмотреть этот фильм. И я сделала такой вывод – слишком слабая раскрутка для этого весьма неплохого фильма. <...> Фильм очень классический и следует устоявшимся мифам о вампирах – они боятся крестов, святой воды и т.д.; убить их можно осиновым колом, предварительно отрубив голову. Все, покусанные Дракулой, смогут вернуться обратно в человеческий облик, если того убьют. Но! Есть <две> вещи, которые выделяют этот фильм из всех остальных: <...>

2. Дракула – это не известный всем Влад Цепеш, а еще более известный Иуда Искариот.

В общем, вспомнили авторы о том, что есть еще больший грешник в истории, чем какой-то там польский князек (ну подумаешь, на кол он людей сажал и на трупах пировал, зато Иуда – круче, на самого Бога замахнулся). И тут меня осенило – Дракула, получается, еврей! Ух, какой националистский фильм получился – опять евреи во всем виноваты»¹.

Интернет-автор очевидно иронизирует. Напротив того, сочинение Владимира Попова «Возвращение Руси. (На пути к Русскому государству)», примерно в те же годы размещенное в Интернете, вполне серьезно. Попов (главный редактор газеты «Эхо России»), синтезируя результаты антисемитской историографии, теософии и разысканий о научных авантюрах начала XX в. (советский проект скрещивания человека с обезьяной), сформулировал масштабные выводы:

«Легенда о Дракуле открывает нам самую тайную реальность этих нечеловеческих существ. Дракула – это автобиография обезьяны-еврея. Чтобы продлить свою жизнь

---

¹ См., напр.: <http://www.proza.ru/2004/10/26-222>.

вампира, он должен сосать арийскую кровь, продлевая таким образом до бесконечности своё существование зомби, выпитывая магическую субстанцию, содержащуюся в ней. Правда о ритуальных преступлениях евреев исторически доказана великим русским исследователем Владимиром Далем, автором знаменитого Толкового словаря русского языка. <...> Те, кто верит, будто потомки лемурийских обезьян – такие же существа, как остальные люди, никогда не сможет понять их»².

Также в интернет-версию сочинения Попова включена актуальная информация к размышлению: «Весной 2002 года Москва была заклеена рекламой “романтического мюзикла” “Дракула”, посвященного жизни румынского князя-вампира. Субкультура вампиров вышла из подвалов на белый свет и распространяется уже не только магазином элитарной музыки “Трансильвания-2000” на Тверской улице, д.6/1. Теперь пропагандой вампиризма занимаются наряду с Голливудскими кинокомпаниями “Русское радио”, “Независимая газета”, “Аргументы и факты”, “Новые известия”, ГАЗПРОМ, СЛАНЕФТЬ, ЮКОС и другие менее известные конторы».

Для сравнения: автор «Майн кампф», казалось бы, размышлял в направлении, близком Попову и его читателям-единомышленникам. Обличая диктатуру евреев в России, он декламировал: «Однако конец свободе поработенных евреями народов становится вместе с тем концом и для самих этих паразитов. После смерти жертвы раньше или позже издыхает и сам вампир». Но у автора «Майн кампф» это не столько мифологическое утверждение, сколько адаптированный к антисемитизму риторический штамп.

Еще в XVIII в. слово «вампир», собственно едва успев актуализироваться, аллегоризировалось и было трансплантировано в область социологии, где удобно указывало на паразитов-эксплуататоров.

Вольтер в статье «Вампиры» (знаменитый «Философский словарь», 1764 г.) иронизировал: «Что! Это в нашем-то восемнадцатом веке есть вампиры! В них поверили; и это после Локков, Шефтсбери <...>, во времена Д’Аламберов, Дидро <...> Живые от укуса вампира худеют, бледнеют, чахнут, а мертвецы-кровососы жиреют, приобретают здоровый цвет лица и вообще выглядят весьма аппетитно. Они устраивали свои застолья в Польше, Венгрии, Силезии, Моравии, Австрии, Лотарингии. Ни в Лондоне, ни даже в Париже о вампирах и не слышали. Я признаю, в этих городах есть биржевые игроки, трактирщики, деловые люди, которые среди бела дня пьют кровь народа; они, конечно, испорченные, но не мертвые. И проживают эти настоящие кровососы отнюдь не на кладбищах, а в очень удобных дворцах»³.

В современной содержательной статье, где приведена также яркая цитата из написанного Ф. Клинггером – представителем немецкой генерации «бури и натиска» – романа «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад» (1791 г.) (король Людовик XI пьет кровь младенцев «в безумной надежде, что его старое, дряхлое тело помолодеет от свежей и здоровой детской крови»), справедливо отмечено, что «аллегорическая интерпретация темы в дальнейшем глубоко укоренится в общественно-политической речевой практике и, наложившись на новые социально-экономические реалии XIX века, породит известную формулу Маркса о присущей капиталистическому производству “вампировой жажде живой крови труда”»⁴.

---

² <http://www.serrano.lenin.ru/golem.html>.

³ Цит. по: *Мариньи Ж.* Дракула и вампиры: Кровь за кровь. М., 2002. С.110–111.

⁴ *Антонов С.А.* Тонкая красная линия: Заметки о вампирической парадигме в западной литературе и культуре//«Гость Дракулы» и другие истории о вампирах/ Сост. С.А. Антонова. СПб., 2007. С.25.

В русской леворадикальной традиции с последней трети XIX в. – наряду с другими клише от мифопоэтической риторики – фигурирует «царь-вампир»⁵. В памфлете А.В. Амфитеатрова (1907 г.) в вампира превратился Победоносцев, причем штамп обогащен колоритными эмоциональными деталями. «Вездесущий, всевидящий, все-слышавший, всепроникающий, всеотравляющий туман кровососной власти, от которого нечем дышать русскому обывателю и напитываясь которым дуреет и впадает в административное неистовство русский государственный деятель, министр. Он – медленное убийство в среде правящих и медленная смерть среди управляемых»⁶. И т.д.

В 1910 г. А.А. Богданов, отвечая на ленинский памфлет «Материализм и эмпириокритицизм», утверждал, что старый мир – на погибель русских пролетариев – «сотворил вампира, по внешнему образу и подобию своего врага, и послал его бороться против молодой жизни. Имя этому призраку – “абсолютный марксизм”. Вампир исполняет свою работу. Он проникает в ряды борцов, присасывается к тем, кто не разгадал его под оболочкой, и иногда достигает своей цели: превращает вчерашних полезных работников в озлобленных врагов необходимого развития пролетарской мысли. Наше отечество – страна молодого рабочего движения, не укрепившейся культуры, страна мучительно-изнуряющей борьбы – дала этому призраку едва ли не лучшие его жертвы: Г. Плеханова еще недавно, В. Ильина (псевдоним, которым подписан “Материализм и эмпириокритицизм” – М.О.) теперь, не считая иных, менее крупных сил, но в свое время также полезных для общего дела. Товарищей, попавших во власть злого призрака, мы пожалеем и постараемся вылечить, хотя бы суровыми средствами, если нельзя иначе. А с вампиром поступим так, как со всякими вампирами поступать полагается: голову долой, и осиновый кол в сердце!»⁷

Таким образом, если вампиры-паразиты и эксплуататоры – публицистический штамп, то буквальное отождествление евреев с Дракулой и вампирами – дифференциальный признак именно современной версии вампиризма.

Напротив того, в фольклорной традиции евреи – вопреки «всем известной» тяге к христианской, арийской и т.п. крови – отнюдь не включались в класс упырей. Это утверждение – в силу необъятности материала фольклорного, литературного и т.д. – разумеется, имеет предварительный характер, однако правомерно указать на некоторые факты.

Дж. Трахтенберг в фундаментальной работе о дьяволе и евреях (впервые 1943 г.) писал: «Мы уже отмечали, что евреев подозревали в нездоровом интересе не только к крови, но также и к органам человеческого тела». Горько констатируя живучесть «средневековых представлений» (со ссылкой на авторитетный немецкий словарь суеверий 1927–1939 гг.), ученый приводил разные мотивации этих устойчивых «представлений»: евреи якобы признают превосходство крови христиан; используют ее в медицинских и магических целях; буквально реализуют евангельское проклятие о крови Иисуса⁸ и т.д. Симптоматично: среди перечисленных мотиваций нет вампиризма как своего рода квазифизиологической потребности.

---

⁵ *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2001. С.167–169.

⁶ *Амфитеатров А.В., Аничков Е.В.* Победоносцев. СПб., 1907. С.41. См. подробнее: *Михайлова Т.А., Одесский М.П.* Граф Дракула: опыт описания. М., 2009. С.172–175. 31

⁷ *Богданов А.А.* Падение великого фетишизма. Вера и наука. М., 1910. Ср. также очерк: *Богданов А.А.* Великий упырь нашего времени// Неизвестный Богданов. В 3 кн./ под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1995. Кн.1.

⁸ *Трахтенберг Дж.* Дьявол и евреи: Средневековые представления о евреях и их связь с современным антисемитизмом. М.; Иерусалим, 1998. С.130.

Аналогично, О. Белова указывает на распространенное в «славянской народной культуре» «представление, что у инородцев (иноверцев) нет души, и потому все они причисляются к разряду “нелюдей”, выступая как возможные воплощения нечистой силы»⁹. Соответственно, евреи – на фоне многовекового бытования «кровяного навета» – вроде бы должны обретать отличительные признаки кровососов. Действительно: «Согласно верованиям поляков, вредоносные ходячие покойники (упыри) активизируются в дни еврейских праздников (а также в новолуние или полнолуние, в пятницу или в тот день недели, когда он умер, а также в годовщину своей смерти или когда в окрестностях кто-нибудь кончает самоубийством)»¹⁰. Как нетрудно убедиться, отчетливая и особая связь упырей с евреями снова не акцентируется: «еврейская» мотивация (иудейские праздники) безразлично вписана в ряд других мотиваций. По мнению современного польского антрополога, антисемитские/ антииудейские «легенды о крови» связаны «не с тем, что евреи – вампиры, а с тем, что они – чародеи»¹¹.

Известно, что европейская беллетристика освоила вампирическую топику в первые десятилетия XIX в. Если отвлечься от свое-образной модели, представленной Гете в балладе «Коринфская невеста», то вампир, по-видимому, впервые мелькнул в необъятной по-эме Роберта Саути «Талаба-Разрушитель» (1801 г.). В поэме помещено фольклорное примечание, которое сообщает о характерной для турок вере в оживших мертвецов. В частности, реферируется «хоррорный» эпизод: путники, «проезжая мимо еврейского кладбища», видят старого еврея, «сидящего на могиле. Янычар поскакал к нему, выбрал за то, что тот поганит мир во второй раз и приказал снова вернуться в могилу»¹².

Романтики поддержали вампирический почин Саути, но в их хрестоматийных текстах евреи-покойники более не встречаются. В по-эме («турецкой повести») Байрона «Гяур» (1813 г.) мать убитого мусульманина произносит в адрес протагониста вампирическое проклятие, окрашенное этнографической экзотикой. В примечании к поэме Байрон – вслед за Саути – указал, что «вера в вампиров распространена повсюду на Востоке», однако акцентировал скорее греческие верования.

В 1819 г. Джон Полидори – врач и секретарь Байрона – опубликовал повесть «Вампир», выдав ее за текст патрона. В журнальной публикации повесть сопровождалась редакторской заметкой, суммирующей достижения вампирологии. Согласно заметке, «суеверие, на котором основана повесть, очень распространено на Востоке. Оно при суще арабам; греки его не знали до установления христианства; оно приняло настоящую форму только после разделения латинской и греческой церкви; в это время стала преобладать идея, что тело католика не подвержено тлению, если оно захоронено в своей земле, популярность идеи постепенно росла и создавалось множество чудесных историй, все еще бытующих, о мертвецах, восстающих из могил и питающихся кровью молодых и прекрасных жертв. На Западе суеверие известно, с незначительными вариациями, в Венгрии, Польше, Австрии и Лотарингии...»¹³.

---

⁹ Белова О. Евреи и нечистая сила: (По материалам славянской народной культуры)// *Трахтенберг Дж. Дьявол и евреи: Средневековые представления о евреях и их связь с современным антисемитизмом.* С.259.

¹⁰ Там же. С.270. Исследователь ссылается на: Baranowski V. W kregu upiorow i wilkolakow. Lodz, 1981.

¹¹ Tokarska-Bakir J. Legendy o krwi: Antropologia przesadu. Warszawa, 2008. S.264.

¹² Цит. по: Summers M. The Vampire: His Kith and Kin. N.Y., 1960. P.280.

¹³ Ibid. P.282.

В легендарной мистификации П. Мериме «Гузла или Сборник иллирийских песен» (1827 г.) соответствующие песни составили особый отдел. В справочном этюде «О вампиризме» Мериме, в частности, писал: «Некоторые полагают, что человека делает вампиром Божья кара, другие – что это проклятие рока. Наиболее распространено мнение, что еретики и отлученные от Церкви, которых похоронили в освященной земле, не могут найти в ней покой и мстят живым за свою муку»¹⁴. А в якобы фольклорной песне «Константин Якубович» Мериме указал вину героя, облегчившую атаку вампира: он похоронил незнакомца на родовом кладбище, «не разувая, примет ли латинская земля в свое лоно тело грека-схизматика». Это сопровождается авторским примечанием: «Православный, похороненный на католическом кладбище, становится вампиром, et vice versa», т.е. такая же судьба постигнет католика, похороненного у православных. Кстати, в песне «Марко Якубович» – переложении фальсификации Мериме – «Пушкин снимает мотивировку превращения чужеземца в упыря»¹⁵, т.е. игнорирует топику «неправильного» захоронения.

Другими словами, если в «народной культуре» (Балканы и т.п.) еврей – тотально «чужой», то вампир – это «свой», который при определенных обстоятельствах оборачивается «чужим» («спор славян между собою»). «Вампиризм евреев» – «открытие», актуализированное в массовом сознании третьего тысячелетия.

Вместе с тем, культурологическое объяснение механизма этого открытия (помимо психического, социального, политического) следует искать в имманентных особенностях вампирической традиции, а именно – в комплексной структуре образа зловещего кровососа, включающей, по крайней мере, пять элементов.

(1) В традиционном фольклоре вампир – подобно ведьмам, привидениям, колдунам – монструозный образ, который функционировал в верованиях разных народов как интерпретативная реакция на некие «события» (бытовые, медицинские, ритуальные и т.п.). Причем, если в современной культуре образ вампира значим и разработан, то в фольклоре он смутен, нечеток, не отграничен от близких сверхъестественных существ.

(2) С традиционным фольклором связаны «вампирические» репутации некоторых исторических деятелей, прежде всего – валашского воеводы Влада Дракулы. Причем, «вампиризм» воеводы был обнаружен исключительно в «обратной» перспективе – под влиянием романа Б. Стокера, а в исторической перспективе эта репутация либо вообще не существовала (по мнению, патриотически мыслящих румынских историков), либо имела «сокровенный», имплицитный характер¹⁶.

(3) Вампир – в отличие от «соседних» пород оборотней, возвращающихся покойников и т.п. – получил известность благодаря усилиям не столько фольклористов и любителей народной старины, сколько бюрократов и публицистов эпохи Просвещения, неожиданно именуемой в соответствующих книгах «золотым веком вампиризма». В 1726 г. серба Арнольда Паоля, умершего после падения с сеного воза, обвинили в истреблении людей и скота в деревне Медвежья. Дела были заведены на территории австрийской империи – державы образцового порядка. В процессе расследования военный врач Флюкингер составил протокол «Visum et Repertum» («увидел и записал»), где, похоже, впервые был

---

¹⁴ Мериме П. О вампиризме/ Пер. Н. Рыковой// «Гость Дракулы» и другие истории о вампирах. С.140.

¹⁵ Стихотворения Александра Пушкина/ Изд. подг. Л.С. Сидяков. СПб., 1997. С.620.

¹⁶ Одесский М.П. Кровавый ньюсмейкер XV века: Дракула и его государство в древнерусском «Сказании» // Солнечное сплетение. Иерусалим, 2001. № 18/19.

использован термин «вампир». Протокол был опубликован в 1732 г. и получил европейский резонанс¹⁷.

(4) Как уже упоминалось, в литературе востребованность вампиров – наряду с другими сверхъестественными существами – связана с романтизмом. А в конце XIX столетия – в рамках так называемого неоромантизма – Стокер сконструировал впечатляющий квазифольклорный образ, подменив традицию – литературной игрой.

(5) Современный вампир – вампир Стокера, т.е. правила его поведения восходят не к фольклору, но к английскому роману. Вместе с тем, хотя современный вампир, как правило, носит имя «Дракула», но он отнюдь не тождественен стокеровскому персонажу. Современная масскультовая интерпретация апеллирует не к роману Стокера, но к его переделкам (в разных искусствах), а Дракула принадлежит к персонажам (Франкенштейн, Голем, Тарзан и т.д.), которые иллюстрируют, так сказать, «смерть автора»: их происхождения не имеют почти ничего общего с романами-источниками и тяготеют к «сериальной», кумулятивной композиции.

Более того, образ Дракулы переступил литературные рубежи и оказывает воздействие на социальное пространство. В коммунистической России А.А. Богданов пытался трансформировать вампиризм в проект «физиологического коллективизма» – кровного братство представителей общества будущего¹⁸. В посткоммунистической Румынии туристические маршруты прокладываются по местам исторических деяний воеводы Влада Дракулы и персонажа Стокера. Существует также молодежная мода (точнее – стиль жизни), ориентированная на «готику» и поэтику вампиризма.

Итак, вампирический миф – при фольклорном генезисе – продолжает развиваться в условиях постиндустриального общества, постмодернизма и т.п. и завоевывает все большую популярность. Вырабатываются новые правила. Усложняется структура образа традиционного кровососа. Что и порождает оптимальные условия для дальнейших манипуляций. Дракула свободно совмещается с Иудой, а тем самым «обнаруженная» принадлежность его к евреям резонирует в социальном пространстве и направляет «озабоченную» аудиторию на актуальные размышления о евреях-упырях.

---

¹⁷ *Мариньи Ж.* Дракула и вампиры: Кровь за кровь. С.48.

¹⁸ *Одесский М.П.* «Физиологический коллективизм» А.А. Богданова: Наука – политика – вампирический миф// Проектное мышление сталинской эпохи. М., 2004.